

УДК 341.01

КОНВЕНЦИЯ ООН ПО МОРСКОМУ ПРАВУ
И ПРАВОВОЙ РЕЖИМ АРКТИЧЕСКОГО ШЕЛЬФА

А. Н. Вылегжанин

МГИМО МИД России

И. П. Дудыкина

Аналитический центр при Правительстве России

Поступила в редакцию 13 февраля 2017 г.

Аннотация: анализируется исторически сложившийся правовой режим дна Северного Ледовитого океана при лидирующей роли в формировании приарктических государств. Характеризуются соотношения: а) норм международного права об ограничении континентального шельфа от международного района морского дна; б) норм о делимитации между приарктическими государствами континентального шельфа в Северном Ледовитом океане.

Ключевые слова: Конвенция ООН по морскому праву, арктический шельф, ограничение континентального шельфа, делимитация континентального шельфа, регионально-правовая идентичность Арктики.

Abstract: the paper summarizes relevant legal instruments and recent researches relating to the legal regime of the Arctic Sea-bed as it was historically established by the practice of the Arctic Coastal States and which resulted in the regional-legal peculiarities of the Status of the Arctic shelf. This trend is compared with the treaty regime of the UNCLOS which entered into force for such States with the exception of the USA. The focus of the research is on relationship between: - art. 76 of the UN Convention on the Law of the Sea (on delineation of the continental shelf from the Area – “common heritage of mankind”; - and art. 83 (on delimitation of the continental shelf between States with opposite or adjacent coasts). All the sea-bed of the Arctic Ocean is the arctic continental shelf and there is no legal possibility for forming in the Arctic the Area of Common Heritage of Mankind taking into account that Part XI of UNCLOS is not a customary rule of International Law like Article 76 of UNCLOS and the USA are not a Party to this Convention.

Key words: the Arctic shelf, the Arctic Coastal States, UNCLOS, the Arctic Coastal States, delineation of the continental shelf, delimitation of the continental shelf, the regional-legal peculiarities.

2017. № 1

284

В 2017 г. исполняется 20 лет с даты вступления для России в силу Конвенции ООН по морскому праву (далее – Конвенция 1982 г.), которая была ратифицирована Федеральным законом от 26 февраля 1997 г. № 30-ФЗ.

В целом не подвергается сомнению целесообразность участия России в этом универсальном международном договоре, определившем режим Мирового океана. Критикуется лишь решение Правительства России (в отличие от правовой позиции СССР) применять Конвенцию 1982 г.

не только к Индийскому, Атлантическому, Тихому океанам, но также и к полярным районам к северу от Северного полярного круга. Анализу данной Конвенции, исследованию политических аспектов ее принятия посвящены труды профессоров Ю. Г. Барсегова, А. Л. Колодкина, Г. Г. Иванова, С. В. Молодцова, О. Н. Хлестова, П. Д. Бараболи, других отечественных международников, участвовавших в III Конференции ООН по морскому праву.

В настоящее время сопоставляются доктринальные толкования особенно значимых для приарктических государств положений Конвенции 1982 г. – о континентальном шельфе и его природных ресурсах, в том числе нефтегазовых; об исходных линиях; исторических водах; о юрисдикции прибрежного государства в отношении иностранных судов, находящихся в его внутренних водах, территориальном море, районах исключительной экономической зоны, покрытых льдами; о порядке прокладки по морскому дну подводных трубопроводов и кабелей и др. Преобладающим, хотя и не во всем бесспорным, является понимание, что большинство норм Конвенции 1982 г. отражают действующее обычное международное право.

Дискуссионным остается, например, вопрос о применимости Конвенции 1982 г. к многовековым льдам, находящимся к северу от 200-мильных исключительных экономических зон пяти арктических государств. Но, пожалуй, самый сложный вопрос статуса Северного Ледовитого океана (далее – СЛО) – наличествует ли здесь с точки зрения международного права район «общего наследия человечества», с учетом *уникальности* естественных характеристик этого самого *маленького* из океанов (по площади и по средним глубинам), его полузамкнутости государственной морской территорией только пяти государств – России, Канады, США, Дании (о. Гренландия), Норвегии; его *особого регионального статуса, исторически сложившегося при стержневой роли правовой практики* этих пяти приарктических государств¹. Или же, в контексте этой уникальности, все дно СЛО в соответствии с международным правом представляет собой *континентальный шельф*. При втором подходе этот арктический шельф подлежит *разграничению (делимитации – delimitation)* между названными пятью приарктическими государствами. Но даже если их согласованное волеизъявление состояло бы в том, что СЛО юридически не отличается от Индийского или иного «*неледовитого*» океана, что здесь наличествует также *международный район морского дна («общее наследие человечества»)*², то возник бы другой вопрос: обязаны ли четыре из этих пяти государств, которые являются участниками *Конвенции 1982 г.*, согласно ее ст. 76 *отграничить (to delineate)* свой шельф от междуна-

¹ См. подробнее: Арктический регион : проблемы международного сотрудничества : хрестоматия : в 3 т. / гл. ред. И. С. Иванов, науч. ред. А. Н. Вылегжанин. М., 2013. Т. 3. С. 11; и др.

² Понятия «Международный район морского дна» («общего наследия человечества») нет в Женевских морских конвенциях 1958 г., но оно введено Конвенцией ООН по морскому праву 1982 г. (ст. 1 и ч. XI).

ного района морского дна («общего наследия человечества»)? Обязаны ли они еще и делать отчисления в Международный орган по морскому дну – согласно ст. 82 Конвенции 1982 г.? То есть обязаны ли они изначально ставить себя в худшее положение, чем пятое приарктическое государство – США, – у которого такой обязанности нет, поскольку в Конвенции оно не участвует.

Кроме того, если такое общее волеизъявление пяти приарктических государств *было бы объективировано*, то последовало бы усиление притязаний неарктических государств на нефтегазовые и иные естественные ресурсы дна СЛО; обозначились бы *новые области межгосударственной конкуренции*; был бы нанесен ущерб *регионально-правовой идентичности Арктики*, исторически сформировавшейся посредством международных договоров самих арктических государств, начиная с 1825 г. Несмотря на отсутствие такого общего волеизъявления «арктической пятерки», в 1997 г. Правительством РФ было принято постановление, предписывающее начать работу по отграничению российского шельфа в Арктике от «общего наследия человечества»³. Это постановление, при исполнении которого Россия теряет в своем арктическом секторе, действуя через Комиссию по границам континентального шельфа, не менее 300 тыс. км², в российской науке было квалифицировано как противоречащее национальным интересам России⁴. Хотя заместитель директора Правового департамента МИД России оправдывает сделанный при Б. Н. Ельцине новый выбор арктической позиции страны⁵, его критика выглядит убедительнее⁶.

Стержневое значение правовой практики арктических государств. Практика арктических государств была и остается определяющей в формировании правового режима арктического шельфа. В условиях Арктики «не срабатывают» все глобальные механизмы, созданные Конвенцией 1982 г. Это происходит не только из-за отмеченных колоссальных отличий покрытых льдом районов Севера от теплых вод

³ Собр. законодательства Рос. Федерации. 1997. № 25. Ст. 2939.

⁴ См.: Гуреев С. А., Буник И. В. О необходимости подтверждения и правового закрепления исключительных прав России в Арктике. Совет Федерации ФС РФ. Морская деятельность Российской Федерации : состояние и проблемы законодательного обеспечения / под ред. В. А. Попова. М., 2005. С. 162–164 ; Мелков Г. М. К вопросу о статусе Печорского и Охотского морей // МЖМП. 2014. № 4. С. 41 ; и др.

⁵ См.: Титушкин В. Ю. К вопросу о внешних границах континентального шельфа Российской Федерации в Арктике // Международное морское право : статьи памяти А. Л. Колодкина. М., 2013. С. 223.

⁶ См.: Николаев А. Н., Пецууров И. С. Правовые возможности предотвращения потери Россией высокоширотного участка арктического шельфа // Современные производительные силы. Фундаментальные исследования пространственного развития. 2014. № 1 ; Жудро И. С. Обычно-правовые нормы как компонент уникального исторически сложившегося статуса Арктики // Вестник Северного (Арктического) федер. ун-та. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2014. № 6 ; Пецууров И. С. Режим дна Северного Ледовитого океана согласно международному обычному праву // Моск. журнал междунар. права. 2014. № 3(95) ; и др.

Индийского океана, но и потому, что одно из пяти арктических прибрежных государств, не являясь участником Конвенции 1982 г., не исполняет обязательства по ограничению своего арктического шельфа и по платежам за разработку его минеральных ресурсов в высокоширотных районах. Соответственно, если одно арктическое государство не выполняет конвенционные ограничения, а другое выполняет, то результат такого определения границ арктического шельфа не будет справедливым⁷. Напротив, *региональным подходом* в этом случае достигается справедливый результат. Министром иностранных дел РФ обращено внимание на то, что «укрепление регионального уровня управления в условиях, когда не срабатывают общемировые механизмы, служит своего рода страховочной сеткой»⁸.

Характеризуя «юридическое положение северных полярных пространств», В. Л. Лахтин констатирует отсутствие каких-либо возражений со стороны неарктических «неполярных» государств в отношении суверенитета соответствующего арктического государства на «близлежащие» земли и острова, в том числе неоткрытые. Отсутствие в отношении этих земель и островов «достаточной практической заинтересованности у неполярных государств, при наличии довольно большой практической заинтересованности» у арктических прибрежных государств, «создало то положение, начало расцвета которого наблюдается сейчас. На земли и острова Северного Ледовитого океана фактически распространился суверенитет соответствующих близлежащих приполярных государств, хотя и не осуществляющих эффективной оккупации, ввиду физической невозможности таковой»⁹. Благожелательно воспринимались длительное время в доктрине предложенные В. Л. Лахтиным границы «районов тяготения» прибрежных арктических государств или их «полярных секторов» в Арктике. Норвежский правовед Г. Смедал, со ссылкой на констатации В. Л. Лахтина, не только в основном солидаризируется с ними, но и приводит дополнительные подтверждения, в частности в практике Канады. Он пишет: «Канада считает, что ... она обладает правами на весь свой архипелаг между ее северным побережьем и Северным полюсом» («between her Northern coast and the North Pole») ¹⁰. Английский аналитик Х. Стил, исследовавший ход продвижения все дальше на Север контрольных функций канадской власти, пишет о «мирном и захватывающем завоева-

⁷ Подробнее см.: Предложения к Дорожной карте развития международно-правовых основ сотрудничества России в Арктике / гл. ред. И. С. Иванов. М., 2013. С. 4–6.

⁸ URL: <http://www.mgimo.ru/news/guests/index.phtml>

⁹ *Лахтин В. Л.* Права на северные полярные пространства. М., 1928. С. 8–17. Эту мысль автор сформулировал так: «...независимо от факта той или иной национальности земли эти сейчас принадлежат приполярным государствам, в районе тяготения которых эти острова находятся, вне зависимости от факта эффективности их оккупации». (С. 29).

¹⁰ *Smedal G.* Acquisition of Sovereignty over Polar Areas. Oslo. Translated from Norwegian. 1931. P. 8.

нии Канадой арктических и субарктических районов», также юридически не разделяя здесь ледовые сухопутные и ледовые морские районы¹¹. По мнению В. Л. Лахтина, «наиболее бесспорными являются границы американского северного полярного сектора... установленные конвенциями 1825 и 1867 гг.»¹². Эти международные договоры и *сегодня сохраняют свое юридическое значение*, особенно в современном контексте оценок правового положения арктического континентального шельфа, его разграничения в 1990 г. между СССР и США по линии, предусмотренной Конвенцией 1867 г.

Статья III «Санкт-Петербургской Конвенции с Англией относительно разграничения обоюдных пространств владений России и Англии в Северной Америке» 1825 г. предусматривает: «Черта разграничения между владениями Высоких договаривающихся сторон... будет проведена следующим образом...» (далее идет обстоятельное описание этой разграничительной линии в южной части). Что касается северной части, то Конвенция описывает эту разграничительную линию как идущую *по меридиану в направлении Северного полюса*: «и наконец от сей точки пересечения та же меридианная линия 141 градуса составит в своем продолжении до Ледовитого моря границу между Российскими и Великобританскими владениями...». То есть в Конвенции 1825 г. *впервые* вводится на уровне международного договора понятие «*полярные владения*» Российской империи и Великобритании в Арктике; в этом же международном договоре впервые обозначается *принцип размежевания властных полномочий двух соседних государств по секторальной (меридианной) линии*, направляющейся к Северному полюсу. При этом следует обратить внимание на то, что при разграничении «*обоюдных пространств владений России и Англии*» воля договаривающихся сторон состояла в том, чтобы разграничивать и *сушу*, и прилегающие к *ней водные районы*, в том числе *покрытые льдами*. Меридианная разграничительная линия, идущая к Северному полюсу, воспринималась договаривающимися государствами как удобная, обеспечивающая простоту для практического учета огромной по протяженности линии разграничения полярных владений двух государств, что впоследствии отмечено зарубежным правоведом¹³.

Второй международный договор о разграничении между арктическими прибрежными государствами своих юрисдикций по меридиану, идущему к Северному полюсу – это русско-американская Конвенция 1867 г. Ее полное название – «Договор, заключенный между Россией и Североамериканскими Соединенными Штатами в Вашингтоне 18(30) апреля 1867 года, об уступке Российских Североамериканских колоний». Согласно этому Договору обозначена граница, к востоку от которой все земли передаются Россией Соединенным Штатам Америки, а к западу – остаются

¹¹ См.: *Steel H. Policing the Arctic. Jurrolds Publishers. London. 1936. P. 9.*

¹² *Лахтин В. Л. Права на северные полярные пространства. С. 38.*

¹³ О таком преимуществе «секторального принципа» разграничения между соседними государствами юрисдикции в Арктике, как простота, пишет Г. Смедал (см.: *Smedal G. Op. cit. P. 12.*)

без изменения под суверенитетом России. По смыслу Конвенции 1867 г., Россия уступает Соединенным Штатам Америки «все права, льготы и привилегии» во всей обозначенной «территории, ее владениях и принадлежностях». «Вышепостановленная уступка территории и Верховного на онаю права, сим признается свободною и изъятою от всяких ограничений... Уступка эта ... заключает в себе все права, льготы и привилегии, ныне принадлежащие России в сказанной территории, ее владениях и принадлежностях» (ст. VI). В ст. I предусмотрена отсылка к *меридианной (секторальной) линии*, обозначенной русско-английской Конвенцией 1825 г.: «Сказанная территория заключается в нижеозначенных географических границах, а именно: восточною границей служит линия разграничения между Российскими и Британскими владениями в Северной Америке, как таковая линия постановлена Конвенциею, заключенной между Россией и Великобританией – 16/28 февраля 1825 года...». Договор 1867 г. предусматривает, что указанная граница проходит в направлении Северного полюса через точку меридиана, отделяющего в Беринговом проливе «на равном расстоянии острова Крузенштерна, или Игналукъ, от острова Ратманова, или Нунарбукъ, и направляется по прямой линии безгранично к северу, доколе она совсем не теряется въ Ледовитом океане (et remonte en ligne directe, sans limitation, vers le Nord jusqu'a ce qu'elle se perde dans la mer Glaciale)» (ст. I)¹⁴.

Итак, и по Конвенции 1825 г., и по Конвенции 1867 г. обозначенные *секторальные линии* служили изначально именно для *межгосударственного размежевания между соседними арктическими странами их прав на «полярные владения»*. Первым из государств на законодательном уровне юридически точно заявила о секторальных пределах своих прав в Арктике Канада. Французский профессор Ф. де Хартингх пишет: «Канадский сектор одержал триумфальную победу в 1923 г.»¹⁵. Правопритязания на арктический сектор Канады заявлены, впрочем, раньше – еще в 1907 г.; тогда канадский сенатор Пуарье (Poirier) обосновал, что секторальный принцип разграничения районов Арктики позволит избежать «трудностей» и «конфликтов», поскольку каждое государство, прибрежное к Северному Ледовитому океану, «распространяет свои владения (ses possessions) до Северного полюса (jusqu'au pole nord)»¹⁶. Еще ранее на картах, выпущенных канадским министерством, границы арктического сектора проходят от канадских оконечностей (западной и восточной) на северном по-

¹⁴ Договор 1867 г. подписан от России Тайным Советником Императора Всероссийского Э. Стеклем, а от США – Статс-секретарем В. Сьюардом. Текст договора (русский и французский) цит. по: Сборник пограничных договоров, заключенных Россией с соседними государствами, 1891. С. 299–303. См. также: *Овчинников И. А.* Сборник действующих трактатов, конвенций и других международных актов, имеющих отношение к военному мореплаванию. Пг., 1914. С. 82 ; и др.

¹⁵ *F. de Hartingh.* Les conceptions sovietiques du droit de la mer. Paris. 1960. P. 39.

¹⁶ Цит. по: UN ILC. Documents of the Second Session Including the Report of the Commission to the General Assembly. Note 34. P. 107.

бережье страны по меридианам 60 и 141 градус западной долготы до их схождения в точке Северного полюса¹⁷. В порядке закрепления таких прав последовали заявления на правительственном уровне. В соответствии с принятыми в 1925 г. поправками к известному Закону «О северо-западных территориях» (the Northwest Territories Act) Канада установила, что для осуществления деятельности в пределах канадского арктического сектора, в том числе в целях разведки и разработки природных ресурсов, требуются соответствующие разрешения канадских властей¹⁸. В 1926 г. законодательством Канады предусматривается установление «Заповедника арктических островов (the Arctic Islands Preserve)»; северные границы этого заповедника, согласно законодательству, совпадают с границами арктического сектора Канады. В мае 1929 г. в законодательном акте Канады вновь предусмотрены границы ее арктического сектора¹⁹.

Вторым государством, на уровне законодательства закрепившим меридианные границы своего арктического сектора, стал Советский Союз. Ранее Российская империя первой обозначила на договорно-правовом уровне секторальные границы разграничения полярных владений в Арктике. Что же касается национальных правовых актов России, то, как уже было показано, они юридически закрепляли суверенитет Российского государства и на сухопутные полярные районы, в том числе арктические острова вдоль российского побережья в морях Северного Ледовитого океана (нота МИД России 1916 г.), и на «все заливы, бухты, рейды русского побережья Северного Ледовитого океана»²⁰. Эту правовую позицию поддерживало и советское правительство. Так, в 1921 г. Советом народных комиссаров Советской России принят Декрет «Об охране рыбных и звериных угодий в Северном Ледовитом океане и Белом море»²¹.

15 апреля 1926 г. Президиумом ЦИК СССР принято постановление «Об объявлении территорией Союза ССР земель и островов, расположенных в Северном Ледовитом океане»²² (далее – постановление 1926 г.).

¹⁷ См.: *Reid I.* The Canadian Claim to Sovereignty over the Waters of the Arctic. – 12 Canadian Yearbook of International Law, III, 1974 (цит. по: Арктика : интересы России и международные условия их реализации / Ю. Г. Барсегов [и др.]. М., 2002. С. 29).

¹⁸ British North America Acts 1867–1907. Printed by C. H. Parmelee, Printer of the King's Most Excellent Majesty. 1913. P. 1–2, P. 209. Pharand D. Canada's Arctic Waters in International Law. Cambridge, 1988. P. 45–50.

¹⁹ *Timchenko L.* Quo Vadis, Arcticum? The International Law Regime of the Arctic and Trends in its Development. “Osнова”. Kharkiv. 1996. P. 73. См. также: *Николаев А. Н., Буник И. В.* Международно-правовые обоснования прав Канады в ее арктическом секторе // Моск. журнал междунар. права. 2007. № 1. С. 12–14.

²⁰ Инструкция военному крейсеру, посылаемому для охраны морских промыслов по северному побережью Европейской России. 1893 г. С рукописными правками Императора Всероссийского 1894 г. (личный архив проф. А. Н. Вылегжанина).

²¹ СУ РСФСР. 1921. № 49. Ст. 259. С. 351–352.

²² Со ссылкой на Собр. законодательства СССР. 1926. № 32. Ст. 203 текст этого постановления воспроизведен по: Международное право в избранных документах (ч. 1) / отв. ред. В. Н. Дурденевский. М., 1955. С. 210.

Согласно постановлению 1926 г. территорией Союза ССР объявляются «все как открытые, так и могущие быть открытыми в дальнейшем земли и острова, не составляющие к моменту опубликования настоящего постановления признанной Правительством Союза ССР территории каких-либо иностранных государств, расположенные в СЛО, к северу от побережья Союза ССР до Северного полюса» в пределах между меридианами, проходящими через восточную и западные оконечности территории страны.

Понятно, что секторальные границы могли стать основой для разграничения арктического шельфа между пятью приарктическими государствами. Но было ли разрушено это исторически сложившееся правовое положение после вступления в силу Конвенции 1982 г.?

Если обратиться к комментариям материалов III Конференции ООН по морскому праву, на которой разрабатывалась Конвенция 1982 г., то обнаруживается, что приарктические государства *намеренно ушли от широкого обсуждения на ней специфически сложного в географическом и климатическом отношении района – Арктики*. К началу этой Конференции международное сообщество, как показывают документы, признало особые приоритетные права приарктических государств, в том числе те секторальные (меридианные) линии, которые были обозначены в международных договорах, прежде всего в русско-английской Конвенции о границах 1825 г. и в Конвенции об уступке Аляски 1867 г. Особо успешно развивалось межгосударственное двустороннее сотрудничество в области изучения и сохранения природы этих районов – прежде всего, на основе международных соглашений арктических государств. Эти действия осуществлялись с учетом пределов ранее обозначенных полярных секторов – в договорах Советского Союза, Канады, США. Вместе с тем надо констатировать, что одно из них – США – последовательно возражало против национально-законодательного регулирования Канадой и Советским Союзом судоходства вдоль своего арктического побережья, не протестуя, однако, против секторальных (меридианных) границ *per se*. Более того, оно предложило использовать *именно секторальную границу* для делимитации между США и СССР континентального шельфа в Арктике²³.

Следует обратить внимание и на то, что на III Конференции ООН по морскому праву функционировала в конфиденциальном формате так называемая «пятерка» государств. В нее входили пять арктических государств, берега которых выходили к морям Арктики. По ходу Конференции эти государства в рамках встреч своих делегаций, как свидетельствуют участники делегации от СССР, обсуждали вопросы, затрагивающие интересы в Арктике. Было достигнуто неформальное согласованное понимание того, что интересам «пятерки» арктических государств соот-

²³ Предложенное США разграничение с СССР континентального шельфа в Арктике по секторальной границе, предусмотренной русско-американской Конвенцией 1867 г., получило отражение в тексте Соглашения между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки о линии разграничения морских пространств 1990 г.

ветствует линия на то, чтобы «гасить» все попытки обсуждения на Конференции проблемы статуса Арктики. Встречи «пятерки» проходили на разном уровне. Известно также, что проблемы Арктики находились в поле зрения при двусторонних встречах с канадцами, другими членами «пятерки» (как на рабочем дипломатическом, так и на государственном уровнях). Документальным подтверждением консультаций «пятерки» арктических государств является, в частности, публикация канадского специалиста А. Моррисона²⁴. Он отмечает также, что при всех климатических аналогах Арктики и Антарктики правовой режим последней не вдохновил руководителей арктических государств к заимствованию элементов такого режима и их применению в Арктике: «Рассматривая Антарктику для вдохновения и заимствования с точки зрения похожести физических условий, а также потенциала правового режима, созданного Договором об Антарктике, руководители арктических государств, похоже, отказались от заимствования определенных аспектов этого режима, имея негласную договоренность о том, что путь «общего наследия», который характерен для Договора об Антарктике, им не приемлем (the leaders of the Arctic countries appear to have dismissed certain aspects of that regime, having reached an unspoken agreement that the path of "common heritage" followed in the case of the Antarctic Treaty is not one they wish to follow)»²⁵. Реальность состоит и в том, что правовые режимы Антарктики и Арктики различны.

Есть и другие научные публикации, свидетельствующие о стремлении арктических государств, участвовавших в III Конференции по морскому праву, не привносить в Арктику не свойственные ей элементы – ни договорного режима Антарктики, ни того глобального режима для других («незамерзающих») океанов, который согласовывался в ходе Конференции, т.е. сохранить тот региональный статус ледяных образований и морских районов Арктики, который сложился до начала Конференции. Так, канадские специалисты Б. Бузан и Д. Мидлмисс пишут, как делегация Канады на Конференции интенсифицировала свою деятельность, «работая со странами Севера» (working with the North States)²⁶.

Итак, нет убедительных подтверждений того, что на III Конференции ООН по морскому праву согласованная воля пяти арктических государств состояла в том, что высокоширотная Арктика должна стать объектом будущей конвенции по морскому праву. Напротив, есть свидетельства того, что понимание этих государств было иным: оба полярных региона – Арктика и Антарктика – деликатно исключались из специаль-

²⁴ А. Моррисон являлся Исполнительным Директором канадского института стратегических исследований в Торонто, а ранее – министром-советником в Постоянной миссии Канады при ООН с 1983 по 1989 г.

²⁵ Morrison A. Coming in from the Cold War: Arctic Security in the Emerging Global Climate: A View from Canada, 1997. P. 49.

²⁶ См.: Buzan B. G., Middlemiss D. W. Canadian Foreign Policy and Exploitation of the Seabed. – Canadian Foreign Policy and the Law of the Sea. Eds. B. Johnson and M. W. Zacher. Vancouver: University of Britain Columbia Press, 1977. P. 36.

ного рассмотрения на Конференции. Тем самым они и не рассматривались как объекты Конвенции ООН по морскому праву 1982 г., причем на вполне логичных, убедительных основаниях: и Антарктика, и Арктика уже имели свой сложившийся специфический для каждого из этих регионов правовой статус (только договорный – в первом случае; обычно-правовой – во втором).

Несмотря на это, большинство зарубежных правоведов исходят из того, что Конвенция 1982 г. в настоящее время применима к СЛЮ, хотя США в ней не участвуют. Примечательно, что большинство таких авторов предметно не пишут, почему США не участвуют в Конвенции 1982 г., отмечая (что не вполне точно), что они считают ее частью обычного международного права. На самом деле, таковой США считают не всю Конвенцию 1982 г. После завершения III Конференции ООН по морскому праву США отказались рассматривать ч. XI Конвенции 1982 г. (о «Районе» как «общем наследии человечества») в качестве норм *jus cogens*, т.е. в качестве императивных норм международного права, исполнение которых общеобязательно (ст. 53 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г.), вне зависимости от участия или неучастия государства в конкретном международном договоре, предусматривающем такую норму. В соответствии с позицией США «понятие общего наследия человечества, содержащееся в Конвенции 1982 г., не является нормой *jus cogens*». Соответственно, таковой не являются и совершенно новые для морского права положения ст. 76 Конвенции 1982 г. – о геологических, геоморфологических, батиметрических и дистанционных критериях для отграничения от Района континентального шельфа прибрежного государства за пределами 200 миль от исходных линий. Как отмечено США, текст Конвенции 1982 г. и материалы переговоров на III Конференции ООН «свидетельствуют о том, что предложения некоторых делегаций включить положения о Районе в число норм *jus cogens* было отклонено»²⁷. За исключением названных новых для морского права положений в Конвенции 1982 г., практически все другие ее нормы (в том числе те, которые не были в Женевских морских конвенциях 1958 г., например об исключительной экономической зоне) были признаны США как правила, «отражающие обычное международное право». Соответственно, эти нормы считаются в настоящее время обязательными и для США²⁸.

Согласно Конвенции 1982 г., термин «Район» означает дно морей и океанов и его недра «за пределами национальной юрисдикции» (ст. 1); «Район» – это «общее наследие человечества» – новое в морском праве понятие (его нет в Женевских конвенциях 1958 г.), обозначающее морское дно за пределами континентального шельфа каждого из тех прибрежных государств, которые его отграничили согласно ст. 76 Конвенции 1982 г.

²⁷ Third United Nations Conference on the Law of the Sea. Doc.A/CONF.62/WS/37; Add. 1-2. P. 243.

²⁸ См.: Armando R. United States Policy in the Arctic / Environmental Security in the Arctic Ocean / Ed. by P. A. Berkman and A. N. Vylegzhanin. Cambridge: Springer, 2013. P. 86.

Но осуществить процедуру отграничения посредством предоставления в Комиссию по границам континентального шельфа данных о таких границах (за 200-мильным пределом) могут только государства – участники Конвенции 1982 г. В Северном Ледовитом океане остаются «незамкнутыми» некие пределы Района: поскольку какие-то государства, прибрежные к нему, но не являющиеся участниками Конвенции 1982 г., не могут отграничить свой шельф от Района.

Возникает вопрос – наличествует или нет в этом случае Район (с не определенными точно своими пределами) с точки зрения международного права? С учетом еще и того, что Район пока не считается объектом международного обычного права в отличие от континентального шельфа. Этот вопрос не рассматривается в цитируемых трудах зарубежных юристов. Они спорят между собой об ином, в том числе о роли Комиссии по границам шельфа. Согласно Конвенции 1982 г. – это технический орган, состоящий из 21 специалиста «в области геологии, геофизики и гидрографии» (ст. 2 Приложения II к Конвенции 1982 г.).

Их функция, предусмотренная Конвенцией 1982 г., – рассмотреть, соответствуют ли критериям отграничения от Района, установленным в ст. 76, те данные о внешних границах континентального шельфа (за 200-мильным пределом), которые прибрежные государства представили в Комиссию (ст. 3 Приложения II). Но некоторые правоведы эти скромные функции, обозначенные Конвенцией 1982 г., толкуют расширительно, утверждая, что в Комиссии прибрежные государства призваны справиться с «бременем демонстрации (burden of demonstrating) своего титула на внешний континентальный шельф (of its entitlement to the outer continental shelf)²⁹. С такой расширительной ролью Комиссии, не обоснованной с точки зрения Конвенции 1982 г., не согласен другой правовед, по мнению которого «Комиссия – это группа специалистов с ограниченным мандатом (with a limited mandate) – именно с полномочием рассматривать данные и иные материалы, представленные прибрежными государствами» согласно п. 8 ст. 76³⁰.

Этот разумный подход разделяется и в другом зарубежном правовом исследовании. Его автор напоминает, что согласно ст. 76 Конвенции 1982 г., границы шельфа (за 200-мильным пределом), установленные прибрежным государством на основе рекомендаций Комиссии, «являются окончательными и для всех обязательными». Но при этом подчеркивает: таковыми являются не только границы, рекомендованные Комиссией. В обоснование приводится ссылка на решение Международного трибунала по морскому праву по спору между Бангладеш и Мьянмой 2012 г. В другом документе развенчивается также миф, что якобы лишь рекомендации Комиссии возводят границы шельфа (за 200-мильным

²⁹ *Eiriksson G.* The Case of Disagreement between a Coastal State and the Commission on the Limits of the Continental Shelf. M. Nordquist et al. (eds). *Legal and Scientific Aspects of Continental Shelf Limits*. Leiden, Martinus Nijhoff. 2004. P. 258.

³⁰ *Magnusson B.* *The Continental Shelf beyond 200 Nautical Miles. Delineation, Delimitation and Dispute Settlement*. Leiden, Boston: Brill Nijhoff, 2015. P. 40.

пределом) на уровень окончательных и для всех обязательных: в документе констатируется, что «границы континентального шельфа, которые не были установлены на основе рекомендаций Комиссии, тем не менее могут стать окончательными и обязательными ... в зависимости от последующих действий прибрежного и других государств»³¹.

Делимитация между приарктическими государствами их континентального шельфа за 200-мильным отстоянием от исходных линий, без обращения в Комиссию, правомерна. Это – вопрос, наиболее обсуждаемый в иностранной международно-правовой литературе. Исходный нормативный материал дает п. 10 ст. 76: «Настоящая статья не затрагивает вопроса о делимитации континентального шельфа между государствами с противоположащими или смежными побережьями». Означает ли это, что такие государства вправе разграничить между ними шельф, без обращения в Комиссию в целях отграничения своего шельфа от Района, согласно предыдущим пунктам этой же статьи?

Мнения зарубежных правоведов по указанному вопросу расходятся. Б. Куной пишет, что 1) *отграничение шельфа от Района* по ст. 76 и 2) *делимитация шельфа по ст. 83 между соседними государствами* за 200-мильным пределом – это «две внутренне соединенные операции», и их осуществление «подчинено правилу танго, состоящему из двух разделов-шагов, в котором рекомендации Комиссии и делимитация ... являются не только двумя отдельными шагами (not only two separate steps), но также разнесены во времени (temporally differentiated), то есть второй шаг должен следовать после первого»³². То есть сначала, по мнению автора, прибрежное государство обязано согласно ст. 76 направлять в Комиссию данные о внешних границах своего шельфа за пределами 200 миль, а уж потом оно вправе разграничить свой шельф с соседним государством³³.

Такое толкование применимого права резко критикует исландский проф. Б. Магнуссон, уличая своего датского коллегу в «игнорировании» цитированного выше п. 10 ст. 76 Конвенции 1982 г., а также ст. 9 Приложения II к ней – о том, что «действия Комиссии не наносят ущерба вопросам, касающимся делимитации границ между государствами с противоположащими и смежными побережьями». Правильнее говорить, по мнению Б. Магнуссона, не о двух последовательных, разнесенных во времени стадиях определения внешних границ континентального шельфа, а о «двух основных ипостасях» такого определения: 1) «установление границы между континентальным шельфом и международным районом морского дна (отграничение континентального шельфа)» и/или 2) «уста-

³¹ First Report of the ILA Committee examining legal aspects related to article 76 of the Convention. Cf.: *Куной В.* The Admissibility of a Plea to an International Adjudicative Forum to Delimit the Outer Continental Shelf Prior to the Adoption of Final Recommendations by the Commission on the Limits of the Continental Shelf. *The International Journal of Marine and Coastal Law.* 2010 (25). P. 7.

³² *Куной В.* Op. cit. P. 237.

³³ См.: *Ibid.* P. 238.

новление разграничительной линии между континентальными шельфами государств с прилежащими или смежными побережьями (делимитация континентального шельфа)». Причем первая ипостась определения границ шельфа не может влиять на вторую и наоборот; в этом, по мнению правоведа, состоит смысл цитированного п. 10 ст. 76³⁴.

Такое толкование, с нашей точки зрения, соответствует и доктринальному разъяснению ст. 76, представленному в многотомном Комментарий к Конвенции 1982 г., подготовленном группой зарубежных юристов-международников. Согласно Комментарию, п. 10 ст. 76 – это «спасательное положение (saving provision) для всех случаев делимитации между государствами их перекрывающихся притязаний на континентальный шельф... Это положение подчеркивает, что ст. 76 предписывает метод определения внешних границ континентального шельфа; она ни в коей мере не касается (it does not address in any way) вопроса делимитации континентального шельфа между государствами с противолежащими или смежными побережьями; последний вопрос рассматривается исключительно в ст. 83 (is addressed exclusively in article 83)» Конвенции 1982 г.³⁵

Слово «исключительно» в этом контексте подчеркивает, что положения ст. 76 не имеют никакого значения для делимитации между соседними государствами континентального шельфа, в том числе и за 200-мильным отстоянием от исходных линий. Слова «для всех случаев делимитации» означают и те случаи, когда осуществляется делимитация шельфа за 200-мильным отстоянием, в том числе когда одно из государств, между которыми разграничивается шельф, не является участником Конвенции 1982 г. Эту важнейшую констатацию авторы Комментария усиливают ссылкой на п. 4 ст. 134 Конвенции 1982 г., согласно которой ничто в ее ч. XI («Район») «не затрагивает установления внешних границ континентального шельфа ... или юридической силы соглашений, касающихся делимитации между государствами с противолежащими или смежными побережьями»³⁶. Замена авторами Комментария конвенционных слов «в настоящей статье» на слова «в Части XI» также очень показательна.

Развивается практика заключения и исполнения международных договоров, предусматривающих делимитацию континентального шельфа за пределами 200 миль от исходных линий.

Сильной стороной исследований нидерландского проф. А. Элферинка, австралийского С. Джонсона, исландского проф. Б. Магнуссона, канадского проф. М. Байерса, американского юриста и дипломата Д. Колсона является их анализ договорной практики государств в области раз-

³⁴ См.: *Magnusson B.* Is there a Temporal Relationship between the Delimitation and the Delineation of the Continental Shelf beyond 200 Nautical Miles? *The International Journal of Marine and Coastal Law.* 2013. № 28. P. 467.

³⁵ UN Convention on the Law of the Sea 1982. A Commentary. Ed.-in-Chief. M. H. Nordquist. Vol. II. Martinus Nijhoff Publishers. Dordrecht. Boston. London. 1993. P. 883.

³⁶ *Ibid.*

граничения континентального шельфа за 200-мильным пределом. При этом надо отметить, что результаты такого анализа приводят авторов и к совпадающим, и к отличающимся по смыслу правовым констатациям. Проф. М. Байерс считает, что к настоящему времени договорная практика государств, относящаяся к делимитации континентального шельфа за 200-мильным пределом, «остается слишком ограниченной (*remain too limited*)», чтобы обеспечить «правовую ясность»³⁷. Хотя при этом автор называет шесть международных договоров, предусматривающих линию, разграничивающую между соседними государствами районы континентального шельфа за пределами 200 миль³⁸.

В отличие от такой констатации, проф. Б. Магнуссон (его работа опубликована в том же году) пишет, что «более дюжины государств уже разграничили с соседними государствами свой континентальный шельф за пределами 200 морских миль»³⁹. Отмечая, что «большая часть таких международных соглашений была заключена государствами-участниками Конвенции 1982 г., автор подчеркивает, что хотя при этом разграничивался шельф за 200-мильным пределом, без получения заранее рекомендаций Комиссии по границам континентального шельфа (согласно ст. 76 Конвенции 1982 г.). Тем не менее «против такой практики не было протестов со стороны какого-либо государства (*this practice has not been pretested against by any state*)»⁴⁰. Эта уже внушительная договорная практика государств по делимитации континентального шельфа на основе ст. 83 Конвенции 1982 г., отражающей обычное международное право, «без какого-либо задействования Комиссии по границам континентального шельфа (*without any involvement of the CLCS*)», характеризуется автором при точном указании названий и дат многочисленных международных договоров⁴¹.

³⁷ *Byers M.* International Law and the Arctic. Cambridge University Press. Cambridge. UK. New York. USA. 2013. P. 74.

³⁸ См.: *Ibid.* P. 71.

³⁹ *Magnumsson B.* Is there a Temporal Relationship... P. 471.

⁴⁰ *Ibid.* P. 472.

⁴¹ См.: *Ibid.* P. 472–473: Agreement between The Gambia and the Republic of Senegal (adopted 4 June 1975; entered into force 27 August 1976) Limits in the Seas No. 85 (1979). См.: Preliminary Information Indicative of the Outer Limits of the Continental Shelf and Description of the Status of Preparation for Making a Submission to the Commission on the Limits of the Continental Shelf for the Republic of Gambia (4 May 2009) 7; Document d'Informations Preliminaires Indicatives sur les Limites Exterieures du Plateau Continental et Description de l'Etat d'Avancement du Dossier et Prevision de Date a Laquelle Sera Soumis le Dossier National a la Commission des Limites du Plateau Continental des Nations Unies (12 May 2009) 9 (1975/2009 Gambia-Senegal Agreement); Treaty between Australia and the Independent State of Papua New Guinea Concerning Sovereignty and Maritime Boundaries in the Area between the Two Countries, Including the Area Known as Torres Strait, and Related Matters (adopted 18 December 1978; entered into force 15 February 1985) 18 ILM 291; Agreement on Marine Delimitation between the Government of Australia and the Government of the French Republic (adopted 4 January 1982; entered into force

В статье американского юриста и дипломата Д. Колсона, по итогам его анализа лишь первых семи из международных договоров о делимитации шельфа за пределами 200 миль от исходных линий, отмечено, что такие договоры имеют некие общие черты, одна из которых в том, что принципы, методы и критерии делимитации (delimitation) шельфа, примененные государствами в пределах 200 миль, не изменяются и при делимитации шельфа за 200-мильным удалением. При этом критерии отграничения (delineation) шельфа от «общего наследия человечества», предусмотренные ст. 76 Конвенции 1982 г., хотя и учитывались при определении того, насколько далеко простирается шельф, но никак не влияли на местоположение разграничительной линии⁴².

Директор Нидерландского института морского права проф. А. Элферинк и сотрудник этого же института австралийский юрист С. Джонсон, рассматривая практику государств, в том числе взаимодействующих с Комиссией по границам континентального шельфа, отмечают, что согласно п. 10 ст. 76 Конвенции 1982 г., на остальные положения этой статьи, включая критерии отграничения (delineation) от международного района морского дна, изложенные в п. 8 и 9 ст. 76, «нельзя ссылаться,

9 January 1983) 1329 UNTS 107; Agreement between the Government of the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland and the Government of the Republic of Ireland Concerning the Delimitation of Areas of the Continental Shelf between the Two Countries (adopted 7 November, 1988; entered into force 11 January 1990) 13 LOSB 48; Agreement between the Government of Solomon Islands and the Government of Australia Establishing Certain Sea and Sea-bed Boundaries (adopted 13 September 1988; not in force) 12 LOSB 19; Treaty between the Republic of Trinidad and Tobago and the Republic of Venezuela on the Delimitation of Marine and Submarine Areas (adopted 18 April, 1990; entered into force 23 July 1991) 1654 UNTS 300; Agreement Between the United States of America and the Union of Soviet Socialist Republics on the Maritime Boundary (adopted 1 June 1990; entered provisionally into force 15 June 1990; not in force) 29 ILM 941 (1990 USA-USSR Agreement); Treaty between the Government of Australia and the Government of the Republic of Indonesia Establishing an Exclusive Economic Zone Boundary and Certain Seabed Boundaries (adopted 14 March 1997; not in force) 36 ILM 1053; Treaty between the Government of the United States of America and the Government of the United Mexican States on the Delimitation of the Continental Shelf in the Western Gulf of Mexico beyond 200 Nautical Miles (adopted June 9, 2000; entered into force 17 January 2001) 2143 UNTS 417; Treaty between the Government of Australia and the Government of New Zealand Establishing Certain Exclusive Economic Zone Boundaries and Continental Shelf Boundaries (adopted 25 July 2004; not in force) 55 LOSB 40; Agreement between the United Republic of Tanzania and the Republic of Kenya on the Delimitation of the Maritime Boundary of the Exclusive Economic Zone and the Continental Shelf (adopted 23 June 2009; not in force) 70 LOSB 54 (2009 Kenya-Tanzania Agreement); Agreement between the Government of the French Republic and the Government of Barbados on the Delimitation of Maritime Areas between France and Barbados (adopted 15 October 2009; not in force) ORF no. 0016 20 January 2010, 1176 text no. 6 in the French Official Gazette.

⁴² См.: *Colson D.* The Delimitation of the Outer Continental Shelf between Neighboring States. *American Journal of International Law.* 2003. P. 96–97.

когда затрагивается делимитация континентального шельфа (cannot be invoked where the delimitation of the continental shelf is concerned)⁴³.

Налицествует судебная практика по спорам о делимитации континентального шельфа за пределами 200 миль от исходных линий. В уже цитированном решении международного арбитража по спору между Барбадосом и Республикой Тринидад и Тобаго арбитраж счел, что он компетентен рассматривать вопрос «о делимитации морской границы в той части континентального шельфа, которая простирается за пределы 200 морских миль»⁴⁴. Но он не стал проводить эту линию делимитации, поскольку стороны ставили перед ним задачу провести «единую морскую границу» (т.е. разграничивающую между двумя государствами районы и континентального шельфа, и 200-мильной исключительной экономической зоны), а следовательно, как констатировал арбитраж, «между Барбадосом и Тринидад и Тобаго нет единой разграничительной линии за пределами 200 морских миль (there is no single maritime boundary beyond 200 nm)⁴⁵.

В решении международного арбитража по спору между Гайаной и Суринам арбитражный суд констатировал, что стороны «не приглашали его осуществить делимитацию морских районов за пределами 200 морских миль от исходных линий Гайаны и Суринама». В силу этого арбитражный суд «не касается вопросов, связанных с делимитацией» таких районов шельфа⁴⁶.

В связи с этим Б. Куной пишет, что оба арбитража «на концептуальном уровне (at the conceptual level)» восприняли обращение разных прибрежных государств осуществить делимитацию шельфа за 200-мильным пределом⁴⁷.

Еще четче оценивает эти арбитражные решения Б. Магнуссон. По его мнению, «международный арбитраж придерживался мнения о том, что в общем он компетентен осуществить делимитацию континентального шельфа» за 200-мильным пределом; и он осуществил бы такую делимитацию, если бы стороны спора обратились за этим к нему⁴⁸. Ученый исходит из этого же понимания применимого права, оценивая значение решения Международного суда ООН по территориальному и морскому спору между Никарагуа и Гондурасом, вынесенного в 2007 г. В данном

⁴³ *Elferink A., Johnson C. Submissions to the CLCS in Cases of Unresolved Land and Maritime Disputes: the Significance of Article 76 (10) of the LOS Convention./ Paper presented at SLS and BIICL Symposium on the Law of the Sea. London. 22–23 March 2005. P. 2–3.*

⁴⁴ *In the Matter of an Arbitration between Barbados and the Republic of Trinidad and Tobago (Barbados v. Republic of Trinidad and Tobago). Arbitration Tribunal. 2006. 45 ILM 800, 835. Para 217.*

⁴⁵ *Ibid. P. 856. Para 368.*

⁴⁶ *Guyana and Suriname (Guyana v. Suriname) Arbitration Tribunal. 2007. 47. ILM 166, 215, para 353.*

⁴⁷ *См.: Кыной В. The Admissibility of a Plea to an International Adjudicative Forum... P. 257.*

⁴⁸ *См.: Magnusson B. Is there a Temporal Relationship... P. 474.*

решении Суд, рассматривая конкретный спор между названными государствами, отметил, что «в этом отношении разграничительная линия ни в коем случае не может быть истолкована как простирающаяся более чем на 200 морских миль от исходных линий»⁴⁹.

Комментируя это, проф. Б. Магнуссон поясняет: «Стороны в деле Никарагуа против Гондураса не просили Суд разграничить континентальный шельф за пределами 200 миль от исходных линий». Но, отмечает автор, «данную констатацию Суда нельзя понимать в том смысле, что Суд решил, будто бы отграничение должно продолжаться в делимитации (that delineation must proceed delimitation)»⁵⁰.

Наиболее обстоятельным и авторитетным источником, применимым к вопросам отграничения и разграничения шельфа, большинство иностранных правоведов считают решение Международного трибунала по морскому праву, вынесенное в 2012 г. по спору между Бангладеш и Мьянмой. В этом решении Трибунал сделал ряд важнейших правовых выводов.

Во-первых, о том, что он компетентен рассматривать спор о делимитации континентального шельфа за 200-мильным пределом и в данном случае, когда Комиссия по границам континентального шельфа не выносила рекомендаций по представленным сторонами спора данным о внешних границах их шельфа за 200-мильным отстоянием от исходных линий: «Трибунал считает, что ... он обязан рассмотреть данный спор и осуществить делимитацию между сторонами континентального шельфа за пределами 200 морских миль»⁵¹.

Во-вторых, Трибунал счел необходимым «проводить различие между понятием титула на континентальный шельф за пределами 200 морских миль и понятием внешних границ континентального шельфа»⁵². Титул, или основание прав на континентальный шельф, по мнению Трибунала, не зависит от процедур обращения в Комиссию по границам континентального шельфа. В обоснование этого Трибунал сослался на п. 3 ст. 77 Конвенции 1982 г., согласно которому права «прибрежного государства на континентальный шельф не зависят от эффективной или от фиктивной оккупации им шельфа или от прямого об этом заявления». В отличие от порядка определения внешних границ шельфа, согласно п. 8 ст. 76 Конвенции 1982 г., именно порядок предоставления в Комиссию прибрежным государством данных о таких границах имеет значение.

Как подчеркнул Трибунал, «титул прибрежного государства на континентальный шельф существует в силу единственного факта (exists by the sole fact), именно того, что наличествует основание такого титу-

⁴⁹ Territorial and Maritime Dispute between Nicaragua and Honduras in the Caribbean Sea (Nicaragua v. Honduras). Judgment. 2007. ICJ Rep. 659, 759. Para 319.

⁵⁰ Magnusson B. M. Is there a Temporal Relationship... P. 475.

⁵¹ Dispute Concerning Delimitation of the Maritime Boundary between Bangladesh and Myanmar in the Bay of Bengal (Bangladesh v. Myanmar). Judgment. 2012. Para 394.

⁵² Ibid. P. 119. Para 406.

ла (the basis of entitlement) – суверенитет над сухопутной территорией (sovereignty over the land territory). Это основание не требует дополнительно еще и установления внешних границ континентального шельфа»⁵³. В данном случае отметим, Трибунал совершенно последовательно поддержал, используя слова Международного суда ООН, «наиболее фундаментальную из всех правовых норм, относящихся к континентальному шельфу», – правило о том, что права прибрежного государства в отношении континентального шельфа «существуют *ipso facto* и *ab initio* в силу его суверенитета над этой территорией»⁵⁴.

Развивая этот подход, Трибунал подчеркнул: «Тот факт, что внешние границы континентального шельфа за пределами 200 морских миль не установлены, не означает, что Трибунал должен воздержаться от определения наличия титула на континентальный шельф и его делимитацию между соответствующими государствами»⁵⁵. Трибунал указал, что «поскольку вопрос об основаниях прав сторон спора на континентальный шельф за пределами 200 морских миль затрагивает те аспекты, которые в основном имеют юридический характер (are predominantly legal in nature), Трибунал может и должен определить, имеют ли стороны спора титул на континентальный шельф в данном конкретном деле»⁵⁶.

Исландский проф. Б. Магнуссон, комментируя это же решение Трибунала, в контексте иных судебных, арбитражных решений по схожим спорам, а также договорной практики государств в области разграничения шельфа за 200-мильным пределом, делает значимый вывод о том, что «прибрежным государствам нет необходимости ждать рекомендаций Комиссии по границам континентального шельфа (coastal states need not wait for the recommendations of the CLCS) для того, чтобы обратиться в международный суд или трибунал в целях делимитации их континентального шельфа за 200-мильным пределом»⁵⁷. Добавим: для того чтобы осуществлять такую делимитацию не только путем обращения в международные судебные и арбитражные органы, но и путем непосредственных переговоров между государствами с противолежащими или смежными побережьями.

Таким образом, в отличие от официальной позиции НАТО Конвенция 1982 г. не является «основой для управления Северным Ледовитым океаном». Она составляет только один из договорных источников, применимых к регулированию отношений между государствами в Арктике; при этом положения ее ч. XI (о «Районе»), а также ст. 76 (об отграничении от Района шельфа) не являются частью международного обычного права.

Всё дно СЛЮ за внешним пределом территориального моря пяти приарктических государств составляет в нынешней правовой ситуации

⁵³ Ibid. Para 409.

⁵⁴ ICJ Report. 1969. P. 22.

⁵⁵ Dispute Concerning Delimitation of the Maritime Boundary between Bangladesh and Myanmar in the Bay of Bengal (Bangladesh v. Myanmar). Judgment. 2012. Para 410.

⁵⁶ Ibid. Para 413.

⁵⁷ *Magnusson B. Is there a Temporal Relationship...* P. 482.

только арктический шельф; здесь *нет района «общего наследия человечества»*, и полномочия Международного органа по морскому дну не распространяются на морское дно в СЛЮ.

Делимитация (delimitation) арктического шельфа между государствами с противоположащими или смежными побережьями – это *самостоятельная область отношений этих государств*. Она не зависит от того, осуществило ли какое-то из таких государств отграничение своего шельфа от Района – «общего наследия человечества» (delineation). В СЛЮ данное отграничение, с учетом изложенных выше обстоятельств, в том числе неучастия США в Конвенции 1982 г., другие приарктические государства не обязаны осуществлять. Вместе с тем нет на то и запрета.

Делимитация континентального шельфа между приарктическими государствами возможна, прежде всего, на основе норм международного *обычного права*, с учетом уже сложившейся *договорной практики государств* в области делимитации континентального шельфа за пределами 200 морских миль от исходных линий.

Правомерность подобной договорной практики государств уже подтвердил Международный трибунал по морскому праву. Он усилил сформулированную в 1969 г. Международным судом ООН «наиболее фундаментальную» норму о том, что права прибрежного государства в отношении континентального шельфа «существуют *ipso facto* и *ab initio*, в силу его суверенитета» над соответствующей прибрежной территорией; эти права прибрежного государства *не зависят от его участия или неучастия в Конвенции 1982 г. или в ином международном договоре*.

В международном праве нет оснований для *расширительного толкования* полномочий сугубо технического органа – Комиссии по границам континентального шельфа. Конвенцией 1982 г. не предусмотрено никакого «*бремени доказывания*» в Комиссии прибрежным государством неких прав на шельф за пределами 200 миль от исходных линий (или «*бремени демонстрации*»). Нет, согласно общему международному праву, никаких полномочий у Комиссии вмешиваться в усилия *приарктических государств по разграничению между ними арктического шельфа*.

МГИМО МИД России

302

Вылегжанин А. Н., доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права

E-mail: vylegjanin@mgimo.ru

Тел.: 8-985-442-75-48

Аналитический центр при Правительстве России

Дудыкина И. П., кандидат юридических наук

E-mail: inna_mel3008@mail.ru

Тел.: 8-916-571-43-26

MGIMO-University

Vylegzhanin A. N., Doctor of Legal Sciences, Professor, Head of the International Law Department

E-mail: vylegjanin@mgimo.ru

Тел.: 8-985-442-75-48

Analitical Center Attached to the Government of the Russian Federation

Dudykina I. P., Candidate of Legal Sciences

E-mail: inna_mel3008@mail.ru

Тел.: 8-916-571-43-26